

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

М. В. Крюков

А ОСТРОВ СВОЙ ОНИ НАЗЫВАЮТ ЭРОМАНГА

*Не страшно потерять
уменье удивлять,
а страшно потерять
уменье удивляться...*

(Из песни ученого-геофизика А. М. Городецкого,
популярной на «Дмитрии Менделееве»)

«Боюсь, что мне придется разочаровать вас,— сказал нам вечером доктор Ли,— подходящих людей так и не удалось найти, а разрешить вам идти через весь остров без проводников я не могу. Здесь тропический лес, джентльмены. С этим не шутят». И он рассказал, что несколько дней тому назад профессор Грин, увлекшись сбором гербария, сбился с пути и лишь чудом остался жив.

Мы сидели под навесом и пили кофе с галетами. Дело принимало скверный оборот. Стоило ли покидать наш добрый старый «Дмитрий Менделеев», плыть за тридевять земель в страшную штормовую ночь на крохотном суденышке, которое, казалось, уже твердо решило перевернуться и раздумывало лишь о том, через какой борт это удобнее сделать,— для чего, повторяю, нужно было все это, если, добравшись наконец до цели, мы так и не сможем дойти до какой-либо деревни!

Это было тем более досадно, что мы были первыми русскими, побывавшими на этом острове.

Откройте карту Океании — и среди полинезийских, английских, французских и прочих названий вы найдете и несколько десятков русских: острова Бородино, Лисянского, Беллинсгаузена, атоллы Суворова и Кутузова, пролив Витязь, берег Маклая... Но остров Эроманга в архипелаге Новые Гебриды нашим соотечественникам не довелось посетить. Даже когда «Дмитрий Менделеев» пришвартовался в Порт-Вила, административном центре Новых Гебрид, мы еще не подозревали о том, что попадем на Эроманга¹. Помог счастливый случай.

Новые Гебриды — совместное владение Англии и Франции. Но на Эроманга фактически хозяйничает французская лесопромышленная компания, ведущая там разработку древесины чрезвычайно ценной породы. Однако дело в том, что агатис, или каури, как называют здесь это дерево,— реликтовое хвойное, хищническое истребление которого вызвало

¹ Об экспедиции на «Дмитрии Менделееве» см.: А. А. Аксенов, Исследования в юго-западной части Тихого океана. VI рейс «Дмитрия Менделеева», «Вестник АН СССР», 1972, № 3; Д. Д. Тумаркин, По островам Океании, «Сов. этнография», 1972, № 2; В. Н. Басилов, Н. А. Марова, Экспедиция в Океанию, «Земля и вселенная», 1972, № 6.

серьезное беспокойство в академических кругах многих стран. Британское Королевское общество решило послать на Эроманга научную экспедицию, а участвовать в ней был приглашен плывший в это время на «Дмитрий Менделеев» известный ботаник академик А. Л. Тахтаджян. Благодаря его любезности в состав экспедиции Королевского общества попали и мы — корреспондент «Известий» М. А. Ростарчук и я, единственные из участников большой интернациональной научной группы, собиравшиеся изучать не флору и фауну острова, а его население.

О коренных жителях Эроманга мы почти ничего не знали. Хотя в сочинениях путешественников и миссионеров XIX в. есть отдельные сведения о культуре и быте населения этого острова, в нашем столетии его, в отличие от других частей архипелага, почти не посещали ученые — исключение составляют английский этнограф К. Хэмфрис (20-е годы) и австралийский лингвист А. Кэпелл.

О тех, кто населяет остров сегодня, мы не смогли получить сколько-нибудь достоверных сведений. Официальные лица, с которыми мы разговаривали, не знали численности населения Эроманга. Называли цифры 1000, 500, 200 человек. Оставалось загадкой и то, сколько там в настоящее время деревень...

И вот мы почти у цели, в самом центре Эроманга, в лагере экспедиции Британского Королевского общества. Мы сидим под навесом и пьем кофе с австралийскими галетами. Перед нами — стена тропического леса и перспектива вернуться на «Дмитрий Менделеев», так ничего и не узнав о жителях этого поистине таинственного острова.

Авун Чарли

Когда ситуация казалась уже совершенно безвыходной, нам снова — в который раз! — неожиданно повезло.

Утром в лагерь экспедиции пришли два меланезийца, решившие наняться здесь на работу. Они были из местных и рассказали, что ближайшая деревня находится на западном побережье, километрах в двадцати от лагеря. Начальник экспедиции доктор Ли тут же распорядился, чтобы новобранцы стали нашими проводниками и помощниками.

Через полчаса мы уже бодро шагали по едва различимой тропинке, проложенной в зарослях. Все наши опасения рассеялись, и мы энергично пробирались сквозь паутину лиан, не чувствуя тяжести своих рюкзаков и забыв о предостережении Хэмфриса: «Пересечь остров на лошади или пешком в наши дни практически невозможно».

Первым по тропинке шел Чарли, худощавый меланезец среднего роста и чрезвычайно угрюмой внешности. В его лице было что-то прямо-таки демоническое. Он время от времени пускал в дело большой тесак, похожий на кубинское мачете, которым ловко прокладывал дорогу в чаще. Чарли немного умел говорить по-английски, но явно не хотел злоупотреблять своими познаниями в этой области и на все вопросы отвечал односложно: «Да, хозяин» или «Нет, хозяин».

— Послушай, Чарли, — наконец не выдержал я, — пожалуйста, не называй меня хозяином. Ты — Чарли, я — Майкл, поэтому зови меня просто по имени. Ты понял, Чарли?

— Я понял, хозяин, — был ответ.

Все попытки установить психологический контакт с первым проводником ни к чему не приводили. К тому же начался дождь, и нам срочно пришлось заняться упаковкой своих фотоаппаратов.

Если вам когда-нибудь приходилось идти по тропическому лесу под проливным дождем, вы поймете, почему такой поворот событий совсем не радовал нас. Первое время мы с Михаилом Александровичем бодрелись и даже пытались определить, кто из нас спотыкается и падает чаще, но вскоре сбились со счета. К счастью, Луи, второй проводник, замы-

кавший шествие, сообщил нам, что через часок-другой мы сможем сделать привал в лесной хижине. Там живет старый Вилли, который был когда-то вождем одного из племен острова. Это у него французы купили право заготовки древесины на острове, заплатив ему за это «целых двенадцать австралийских долларов». По слухам, старому Вилли 150 лет. Он живет теперь в глубине джунглей вместе с двумя сыновьями, питаясь плодами со своего небольшого огорода.

Рис. 1. Знакомьтесь: старый Вилли (фото автора)

На поверку Вилли оказался крепким стариком, которому, по чисто логическим соображениям, никак не могло быть 150 лет, потому что сыновья его выглядели еще совсем молодо. Когда дождь ненадолго прекратился, мы попросили у Вилли разрешения сфотографировать его, и он сразу согласился при условии, что возьмет в руки топор и встанет в позу воина, готовящегося к схватке. Если говорить совершенно откровенно, то в этот момент мне почему-то вспомнилось, что в языке эроманга есть слово *нелат*, обозначающее «вареное человеческое мясо».

Старый Вилли был бы, конечно, идеальным информатором. Но время подгоняло нас, и нам пришлось двигаться дальше. В хижине у Вилли я успел записать только термины родства, бытующие в языке местных меланезийцев. В свое время Хэмфрис отмечал, что для этого острова характерна система родства ирокезского типа, в которой перекрестные кузены (дети брата матери и сестры отца) отличаются от параллельных кузенов (детей брата отца и сестры матери) и от родных братьев. Однако старый Вилли твердо стоял на том, что родственников этих трех категорий можно называть одним и тем же словом — *авунхай* или *авун*, причем так же обычно зовут и просто друзей-сверстников.

Наш разговор явно заинтересовал угрюмого Чарли, который до этого молча стоял, прислонившись к стене хижины. Он даже подошел к нам и сел на циновку.

— Послушай, авун Чарли, а в твоей деревне тоже можно назвать своего друга братом?

Чарли кивнул головой и вдруг улыбнулся. Лед недоверия и неприязни тронулся. Мы перешли на «ты» или, точнее говоря, на «авун».

Сразу же после того как мы распрощались с Вилли и тронулись в путь, авун Чарли срубил нам по зонтику — гигантскому листу банана.

Это простейшее приспособление не укрывало от дождя, но по крайней мере предохраняло голову от прямых струй воды, неприятно бивших по затылку. Теперь авун Чарли проявлял о нас трогательную заботу. Идя впереди, он то и дело оборачивался, предупреждая о корнях, загораживающих дорогу, и о попадавшихся время от времени ядовитых растениях, к листьям которых он рекомендовал не прикасаться.

В один прескверный момент, когда земля вдруг стала уходить из-под моих ног, я все-таки ухватился за одно из этих растений и потом долго и горько сожалел о случившемся. Через несколько дней после этого доктор Чжоу, специалист по тропической флоре, с явным удовлетворением объяснил мне, что я таким образом познакомился с *Dendrocnide latifolia* — видом, открытым и изученным им именно на Эроманга. Как человек, не сведущий в ботанике, я могу сказать об этом растении только то, что оно жжется гораздо сильнее любой крапивы и вызывает к тому же болезненные нарывы, приходящие в полное неистовство каждый раз, когда на них попадает вода. Увы, недостатка в воде в тот день не было! Оставалось утешать себя тем, что нам по крайней мере не довелось повстречаться со зловещим пушкинским анчаром (*Antiaris toxicaria*), который также есть в этих местах...

Между прочим, должен заметить, что русское выражение «дождь как из ведра» совершенно не годится для описания тропического ливня. Не ведра, а, кажется, целые цистерны воды обрушиваются на вас сверху, так что порой становится трудно дышать. Ваш рюкзак давно уже безнадежно промок, а сами вы постепенно начинаете замечать, что какой-то внутренний голос настойчиво советует вам опуститься на землю и, вытянувшись во весь рост, хоть немного полежать не шевелясь. Но тем не менее нужно идти вперед, потому что уже начинается смеркаться, а долгожданной деревни все нет как нет.

Не буду утомлять читателя описанием того, как мы переправлялись через реку с романтическим названием Нора (что на местном наречии означает просто «вода»), как долго не желала она выпустить нас из своих страстных объятий, как в одном месте нам пришлось карабкаться вверх по гигантской лиане... Скажу только, что под утро мы, абсолютно выбившись из сил и не рассчитывая на благополучный исход нашего предприятия, добрались, наконец, до деревни, название которой показалось нам символичным — Хэппи-Лэнд («Счастливая Земля»). Авун Чарли был родом из этой деревни. Он заверил нас, что наутро дождь прекратится.

— Не беспокойтесь, Чарли сделает это,— подхватил Луи.— Чарли это может!

И вот тут-то выяснилось, что наш авун Чарли — сын колдуна и сам колдун, а его узкая специализация — гром, молния и прочие атмосферные явления...

Как это делается

Ну, а теперь почему рождаются молнии и могут столь сокрушительны быть, что способны разрушить ударом башни, дома развалить и вывертывать балки и бревна... насмерть людей убивать и стада поражать где угодно силой какой они производят и все остальное я объясню: и тебя не буду томить ожиданьем.

(Лукреций Кар. О природе вещей, VI, 240—245)

Я смотрю сейчас на его фотографию и удивляюсь, как мы не поняли этого сразу. Взгляните на необычные черты его лица, на его глаза, светящиеся какой-то особой внутренней одухотворенностью, и признайтесь, что настоящий колдун всегда представлялся вам в образе Чарли

(цветок за ухом не имеет к его профессии никакого отношения; на Эроманга это нечто вроде обручального кольца — женатые мужчины носят его справа, холостяки — слева).

Итак, Чарли был колдун и сын колдуна. Именно он вызвал дождь, причинивший нам столько неприятностей. Впрочем, получилось это по недоразумению. Чарли почему-то принял нас за французов, о которых был невысокого мнения, и ему страшно не хотелось вести нас в свою родную деревню. Тогда-то он и вызвал тропический ливень в надежде, что

мы откажемся от своей затеи. Но мы все-таки продолжали путь, и уже по дороге он понял, что ошибся и что оба Майкла в сущности неплохие ребята. Поэтому он сейчас пойдет и займется всем необходимым, чтобы завтра была хорошая погода.

Что и говорить, мы допустили большую ошибку, поспешив покинуть лагерь и тронуться в путь, не объяснив толком Чарли и Луи, кто мы такие и зачем идем в Хэппи-Лэнд. Нужно было срочно наверстывать упущенное.

Узнав, что мы из России, Чарли понимающе закивал головой. Да-да, он уже где-то слышал такое название: «Уж не тот ли это остров, на котором воевали с дурными людьми из племени гитлер?»

Мы начинаем рассказывать о нашей стране, о Великой Отечественной войне, стараясь, разумеется, не злоупотреблять специальной терминологией. Чарли слушает с нескрыва-

Рис. 2. Авун Чарли (фото М. А. Рос-
тарчука)

ваемым интересом и лишь изредка причмокивает, сопровождая это присвистом (так меланезийцы выражают свои наиболее сильные эмоции). Особое впечатление на Чарли производит та часть нашей импровизированной лекции, где речь идет о том, как вероломно напал на нас враг и как трудно было на первых порах обороняться от него. Тут Чарли начинает что-то с жаром объяснить Луи. Оказывается, он популярно излагает ему суть дела. А суть эта в том, что люди, напавшие на «Русию», стремились причинить зло другим, хотя это нехорошо. Никогда не следует пользоваться силой, чтобы вредить людям. Сам Чарли хотя и обладает способностью вызывать молнию, но никогда не направляет ее в хижину хорошего человека. Другое дело, если нужно наказать кого-то за дурной поступок, — тогда Чарли тверд и беспощаден... Вот теперь, кажется, настало время для того, чтобы попытаться расспросить Чарли о том, как это делается.

Правда, Чарли уже разъяснял нам, что его профессия передается только по наследству от отца к сыну. Посторонний человек, посвященный в детали колдовского ремесла, может заболеть или даже умереть. Но соблюсти слишком велик и поэтому мы все-таки решаем рискнуть и расспросить Чарли хотя бы о некоторых из его профессиональных тайн.

Чарли колеблется, ему очень не хочется подвергать авуна опасности заболеть от излишнего любопытства. Но, с другой стороны, ему страшно неловко перед нами за то, что он промочил нас с головы до ног, и ему хочется хоть чем-нибудь загладить свою вину. К тому же мы только что рассказали столько интересных и поучительных вещей, что ему неудобно ничего не рассказать в ответ. И поэтому, когда мы продолжаем на-

становить, он, наконец, решается, и мы записываем на магнитофон его рассказ...

Умение заговаривать дождь и вызывать молнию — это прирожденная способность таких людей, как Чарли. Но помимо этого совершенно необходимо твердо помнить и неукоснительно соблюдать всю последовательность этого тщательно разработанного ритуала. Например, дело может в последний момент сорваться из-за того, что колдун, проснувшись по-

Рис. 3. Утро в деревне Хэппи-Лэнд (фото автора)

утру, по забывчивости тут же справит малую нужду. Вместо этого он должен немедленно начать необходимые приготовления к священнодействию.

В хижине колдуна всегда хранится волшебный камень. Процедура вызывания молнии начинается с того, что Чарли берет этот камень в руки и в тайне от всех жителей деревни несет его в лес. Горе тому, кто увидит камень в руках колдуна, — беды тогда не миновать. В лесу Чарли собирает листья с нескольких определенных деревьев и, произнося заклинание, кладет их на камень, который после этого оживает и начинает двигаться. Чарли внимательно наблюдает за ним и, продолжая произносить заклинание, идет следом. Случается, что камень подпрыгивает вверх и оказывается где-нибудь высоко на дереве; своей внутренней силой колдун должен заставить его вернуться на землю. Если камень не подчиняется сразу, не следует терять время понапрасну: все равно ни грома, ни молнии в этот день не будет. Если же камень повиновался, Чарли берет его в руки и произносит еще одно, главное заклинание, после чего и добывается желаемого. Вызывать ветер, дождь и солнце можно в принципе тем же способом, но по несколько измененной программе.

Авун Чарли ушел к себе, когда уже начало светать. Но за оставшееся в его распоряжении время он потрудился на славу. Наутро была прекрасная погода и ничто не напоминало о вчерашнем потопе.

И все-таки, может быть, нам не стоило столь настойчиво расспрашивать Чарли. Не оттого ли один из двух Майклов — посторонних, узнавших тайны колдовского ремесла, — до сих пор страдает от тропической лихорадки?

Впрочем, многие утверждают, что это просто случайное совпадение.

Рис. 4. Скоро новоселье (фото М. А. Ростарчука)

вы не обнаружите никаких признаков жилья; деревня открывается вашему взору внезапно, словно вынырнув из зарослей.

Как следует рассмотреть Хэппи-Лэнд мы, естественно, смогли только утром. Косые лучи солнца, пробиваясь сквозь кроны кокосовых пальм, освещали гладко утрамбованную площадку с разбросанными вокруг нее группами хижин. Красно-бурый цвет земли резко контрастировал с окружающей зеленью и яркими пятнами цветущих кустов вокруг некоторых из домов. Свежесть утра и удивительная чистота красок создавали необычайное ощущение праздничности и уюта. Счастливая Земля?

Но стоило только заглянуть внутрь любой хижины — и сразу становилось ясно, что первое впечатление обманчиво. Жилища поражают убожеством своего интерьера. Вдоль одной стены деревянные нары, в центре — очаг, вокруг него несколько циновок — вот и вся обстановка. На земляном полу ползают дети. Внутренняя поверхность крыши так основательно покрыта копотью, что кажется лакированной; не случайно верхние продольные балки, поддерживающие крышу, называются *мовор синэ*, что буквально означает «закопченные».

Конструкция дома проста, и поэтому глава семьи всегда строит его сам (на это у него уходит не более двух недель).

Для постройки хижины прежде всего необходимо расчистить площадку размером в среднем 4×6 м. По углам этого прямоугольника в землю вертикально вкапывают специально выбранные в лесу стволы небольших деревьев с развилкой на конце. Это *боуш*, опорные столбы каркаса, высотой они чуть больше человеческого роста. Затем по продольной оси дома укрепляют *нетуртур* — опорные столбы крыши (их высота примерно 2 м). После этого в развилки *боуш* вкладывают продольные балки *мовор нванг*, а между *боуш* вкапывают дополнительные столбы, лишенные развилки, — *недан боуш*, что в совокупности составляет основу стен. Для сооружения стен как таковых изготавливают решетку *неври*, которую плетут из тростника и расщепленного бамбука. К этой решетке с внешней стороны привязывают пучки листьев сахарного тростника — и стены го-

товы. Затем в развилках *нетуртур* закрепляют коньковую балку *хэльниви*. Поверх нее в развилки опорных столбов кладут наклонные слегги *нороп*, образующие основу ската крыши. На слегах крепятся уже знакомые читателю дополнительные продольные балки *мовор синэ*, а завершает процесс постройки дома сооружение крыши *нэльпониму*: на решетчатой основе плотно закрепляют пучки листьев пандануса или того же сахарного тростника.

Специфика традиционной строительной техники на Эроманга состоит, таким образом, в возведении хижин прямо на земле, а не на сваях; использовании столбов с естественными развилками (*немсонг*); креплении элементов конструкции с помощью тонких и эластичных лиан (*ноас*); широком применении плетеных деталей.

Последнее обстоятельство особенно характерно. Искусство плетения, пожалуй, самое развитое из всех домашних ремесел на Эроманга.

Плетеные вещи преобладают и среди незамысловатых предметов повседневного обихода. Это прежде всего циновки *наном*, которые, как и у папуасов бонгу, плетут из одного большого пальмового листа (реже встречаются циновки, сплетенные из двух таких листьев — *наном оронго*, или «большие циновки»). У каждого очага можно увидеть треугольный плетеный веер *вавуром* для раздувания огня. Наконец, широкое применение имеют корзины, которые также плетут из пальмового листа: плоские *ульёки* и большие круглые *наривью*. В них держат домашний скраб, они же служат для переноски тяжестей. Собираясь по делам в соседнюю деревню, женщина берет пальмовый лист и тут же изготавливает себе корзину, которую возьмет с собой в дорогу. Такие корзины носят в руке или на палке через плечо.

Если плетением на Эроманга занимаются женщины, то изготовление лодок — сугубо мужское дело. Лодки на этом острове по своей конструкции мало чем отличаются от типичного каноэ с аутригером, широко распространенного по всей Океании, от о. Пасхи до Новой Гвинеи. Однако с течением времени древние традиции, связанные со строительством лодок, явно уходят в прошлое. Сегодня в Меланезии уже не встретить огромных многоместных парусных каноэ, которые использовались здесь еще в конце прошлого века. Сейчас жители Эроманга строят лодки, имеющие 3,5—4 м в длину и способные вместить не более двух человек.

Корпус лодки (*нэи*) выдабливается из ствола дерева, с помощью поперечных планок *мовор* к корпусу крепится аутригер *нэльман*. Такая конструкция придает лодке достаточную устойчивость, однако местные жители предпочитают не выходить далеко в море, если оно неспокойно. Лодка на Эроманга служит главным средством передвижения: от одной деревни до другой гораздо легче добраться на лодке, нежели по берегу.

Рис. 5. Так плетут корзины из одного пальмового листа (фото М. А. Ростарчука)

Кроме того, лодки необходимы на рыбной ловле. Рыбу на Эроманга ловят на удочку или лучат острогами: ночью на лодке зажигается факел, свет которого привлекает крупную рыбу.

Впрочем, рыба занимает сравнительно небольшое место в рационе жителей острова, хотя все деревни расположены здесь непосредственно на берегу или поблизости от него. Еще реже меланезийцы едят мясо.

Главное домашнее животное на Эроманга — собака, мясо которой, как и на многих других островах Океании, высоко ценится. Но производят местные собаки, право же, удручающее впечатление: тощие и вечно

Рис. 6. Лодка — самый надежный вид транспорта на Эроманга (фото М. А. Ростарчука)

голодные, они похожи на пленников, обреченных на принесение в жертву. Поэтому особенно странно слышать, что корову, например, жители Эроманга называют *кури матау* («большая собака»), а лошадь — *кури нвох* («собака, на которой можно ездить верхом»).

Сравнительно небольшую роль в хозяйстве меланезийцев играет свинья *нэмпрахи*. Местные жители различают домашнюю свинью, *нэмпрахи нэмлю* (слово *нэмлю* означает «спокойный»), и свинью дикую, *нэмпрахи нангон*. Однако это противопоставление в условиях Эроманга весьма условно: дикого поросенка ловят в джунглях и помещают в специальный загон, где откармливают в течение месяца-двух, после чего забивают, вовсе не заботясь о том, чтобы он со временем принес потомство. Такие загоны (*нэмбаи*) для «успокоения» поросят можно увидеть в Хэппи-Лэнд почти у каждого дома. В отличие от свиней куры постоянно разгуливают на свободе; они ночуют на деревьях и несутся прямо в траве: услышав кудахтанье, хозяйка тут же отправляется на поиски только что снесенного яйца.

Но все это вещи второстепенные. Основу пищевого рациона составляют для местного жителя продукты его огорода.

О железном топоре и палке-копалке

«Жил на Эроманга человек по имени Вота, жил у горы Пономаласи. Посмотрел он однажды вдаль и увидел остров, которого раньше никогда не замечал, и ему захотелось побывать на нем.

Взял Вота две остроги и, придя на берег, положил их рядышком одну возле другой, остриями в сторону неизвестного острова. Встал на них, произнес заклинание и перенесся на остров Эфате, в Эрэнтапао, где жило племя воракау. А вождя их звали Тапулапа.

У Тапулапы была дочь, она полюбила Воту, и стали они жить в одной хижине. Но Вота был человеком моря, и он не привык работать на огороде, как все в Эрэнтапао. Поэтому Тапулапа получал в подарок от своей дочери одну только рыбу.

И вот однажды вождь воракау сказал своему зятю:

— Итак, вы двое едите только рыбу. Значит ли это, что вы совсем не употребляете в пищу ямса?

— Да,— ответил Вота.— У нас и огорода-то нет вовсе.

На следующий день Тапулапа сказал своей дочери:

— Если бы я знал, что Вота не умеет работать на огороде, я не отдал бы тебя ему.

И эти слова женщина передала своему мужу.

-- Ну что же,— отвечал Вота,— в таком случае у нас будет огород.

Расчистил Вота маленький участок земли в лесу, а на следующее утро он стал таким большим, что не видно было его конца. Потом зажег Вота крошечный огонь в одном углу огорода, а на другой день весь участок был выжжен. Наконец, посадил Вота пять клубней ямса, а на следующее утро его огород был полон ямса, сахарного тростника и бананов...

И тогда люди воракау сказали:

— Пусть нашим вождем станет Вота. Он все может, и у него все есть.

Так Вота стал сильным человеком в Эрэнтапао и завел себе много жен...»

В этом предании, записанном французским исследователем Б. Эбром² на о. Эфате, но имеющем прямое отношение к Эроманга, содержится немало моментов, интересных с этнографической точки зрения. Среди них — недвусмысленное указание на то, что жители Эроманга были первоначально «людьми моря», вовсе не занимавшимися земледелием. Читателю будет понятно, почему, едва успев ознакомиться с деревней Хэпли-Лэнд, мы стали просить авуна Чарли показать нам, как выглядят здесь огороды и что на них выращивается.

Авуна Чарли предложил пойти на огород, принадлежащий его семье. Разговор этот происходил недалеко от его дома; вокруг нас стояли ребята и несколько девушек, некоторых из них мы уже знали по именам. Посчитав, что было бы невежливым прервать только что завязавшуюся беседу, я предложил всем присутствующим вместе пойти на огород к Чарли. Ребята немедленно согласились, но девушек мои слова явно привели в смущение. По их лицам было видно, что они были вовсе не прочь пойти с нами, но что-то удерживало их. В это время из хижины раздался недовольный женский голос, и юные красавицы, окончательно смешавшись, разбежались кто куда. Лишь много времени спустя мы совершенно случайно узнали, что было причиной этому. Позвать молодую девушку на огород означает на Эроманга несколько большее, чем у нас пригласить знакомую на последний сеанс в кино. Это означает предложить ей руку и сердце, потребовав немедленной взаимности. Делать это во всеулышание было, с моей стороны, опрометчиво.

Но тогда мы еще не знали об этом и поэтому, не придав значения происшедшему, отправились на огород к Чарли.

Огороды здесь разбиваются в лесу, далеко за пределами деревни. Сначала на выбранном участке срубают большие деревья, а их стволы разрубают на части. Затем рубят деревья поменьше и кустарник; все это

² B. Hebert, Wota ni manu, «Études Mélanésiennes», № 21—25, Décembre 1966—Décembre 1970, p. 73, 74.

Рис. 7. Рохоль мало изменилась со времен неолита (фото автора)

Рис. 8. Минуту терпения — и кушать будет подано (фото М. А. Ростарчука)

оставляют на месте для просушки. После этого начинается корчевка пней, а подсохшие тем временем ветки поджигаются.

Основными орудиями, применяемыми на этом этапе подготовки огорода, являются в настоящее время большой нож-тесак *наутунго* и железный топор *накэ*. Когда же участок разровняют и можно приступать к посадке, на сцену появляется знаменитое орудие, известное каждому, кто хоть когда-нибудь держал в руках учебник по общей этнографии, — легендарная палка-копалка. Впрочем, на языке эроманга она называется просто палкой — *рохоль*, как и вообще любой деревянный кол.

Чем же объяснить то малопонятное, на первый взгляд, обстоятельство, что одно из самых древних земледельческих орудий, применявшихся еще в неолите, сосуществует на Эроманга с железным топором? Причина проста. На мягких почвах, постоянно увлажняемых обильными дождями, палка-копалка оказывается достаточно эффективным и в то же время почти универсальным орудием, к тому же не требующим сколько-нибудь значительных усилий для его изготовления. С помощью *рохоль* местные жители рыхлят почву, ею же выкапывают клубни. В условиях Эроманга попросту нет необходимости использовать для этого какие-либо более совершенные и специализированные орудия. Так, на огороде у Чарли вдруг «распалась связь времен», и мы, казалось, совершили путешествие в далекое прошлое, когда в тропических районах восточного полушария только-только возникало земледелие.

Как и тысячи лет назад, главными сельскохозяйственными культурами остаются на Эроманга клубнеплоды — ямс (*нуп*) и таро (*тэльнэвье*). Они играют в жизни местных жителей примерно такую же роль, как хлебные злаки в нашей. Слово «хлеб», как мы знаем, имеет в русском языке несколько значений. Оно обозначает не только конкретный продукт, но и пищу вообще. По-эромангски «пища» — это *нванг*.

Для приготовления *нванг* берут клубни ямса и натирают их на куске древовидного папоротника, кора которого покрыта острыми шипами. Полученное таким образом тесто кладут на лист банана, затем натирают мякоть кокосового ореха и помещают ее толстым слоем поверх ямса, затем следует еще один слой ямса. Все это заворачивается в тот же лист банана и кладется в кучу камней, заранее нагретых на костре. Минут через двадцать-тридцать кушанье, напоминающее пирог со сладковатой начинкой, готово, нужно только разгрести камни и снять оболочку с «голубца», пользуясь специальной деревянной вилкой *норови*.

И наконец, еще одна лингвистическая параллель. В арабском языке есть несколько десятков слов со значением «верблюд»; это животное называется по-разному в зависимости от возраста и породы; эскимосы совершенно разными словами называют различные типы снега. В языке эромангцев нет слова «кокосовый орех»: зеленый орех, молоком которого утоляют жажду, называется здесь *навуанале*, орех с мякотью — *нэхэрон*, зрелый орех — *нтомон*, орех, упавший на землю, — *нэврэ...*

Пусть вражеские стрелы летят мимо

...И бешено стал посылать он стрелу за стрелою;
Не было промаха; падали все умерщвленные; было
Ясно, что кто-нибудь помощь ему подавал из бессмертных...

(Гомер. Одиссея, 24, 180—183)

27 июля 1774 г. матрос, сидевший в бочке на мачте, увидел еще один остров. 4 августа капитан Джеймс Кук записал в своем дневнике:

«...На рассвете я отправился с двумя шлюпками, чтобы обследовать берег и отыскать удобное место высадки, пресную воду и дрова. В это время туземцы начали собираться на берегу, знаками приглашая нас вы-

сидиться. Когда туземцы увидели, что я решил пройти к другому месту, они побежали вдоль берега, причем число их возрастало с поразительной быстротой, все время держась вровень со шлюпками, и в конце концов показали нам место — песчаный пляж, где я мог выйти из шлюпки, не замочив ног.

Встречен я был очень любезно, и когда они столпились у шлюпки, отошли по первому моему знаку; один человек, которого я принял за вождя, сразу понял, чего я хочу, и построил островитян полукругом у кормы шлюпки; он бил всякого, кто пытался нарушить этот приказ. Раздав островитянам несколько безделушек, я знаком попросил принести пресной воды, надеясь увидеть источник, откуда они ее принесут. Вождь сразу же послал за ней человека, который побежал в один из домов и вскоре принес в бамбуковом стебле немного воды, так что мне не удалось получить нужные сведения.

Затем я тем же способом попросил дать мне еды, и туземцы с прежней готовностью принесли ямс и немного кокосовых орехов. Одним словом, я был очарован их поведением. Но единственное обстоятельство внушало мне небольшие подозрения — большинство туземцев было вооружено дубинами, дротиками, луками со стрелами и камнями. Поэтому я не спускал глаз с вождя и следил за его взорами и действиями. Вождь знаками попросил меня вытащить шлюпку на берег, но я дал ему понять, что сперва возвращусь на борт, а затем уж сделаю так, как он того желает. Вождь скрылся в толпе, и я заметил, что он кое с кем ведет переговоры; затем он вернулся ко мне и снова знаками попросил вытащить шлюпку. Он с минуту колебался, прежде чем принять несколько крупных гвоздей, которые я ему предложил. Это внушило мне некоторые подозрения, и я тут же зашел в шлюпку и приказал отваливать, однако туземцы не желали так скоро с нами расставаться и попытались силой добиться того, чего не могли осуществить более мягкими способами. К несчастью, матросы спустили сходни, чтобы облегчить мне посадку в шлюпку. Я говорю «к несчастью», так как, если бы сходни не были спущены и если бы оттолкнули шлюпку немного проворнее, туземцы не имели бы времени выполнить свой замысел и не состоялась бы последующая неприятная сцена.

Я навел на туземцев мушкет, и они на некоторое время отступили, но тотчас же вернулись с явной решимостью вытащить на берег шлюпку. Во главе группы был вождь, а другие островитяне, которые не могли подойти к шлюпке, стояли наготове со своими дротиками, луками и стрелами, чтобы поддержать нападающих. Нужно было теперь думать только о нашей собственной безопасности; однако я, совсем не желая стрелять по толпе, решил сделать одного вождя жертвой его собственного предательства, но в этот критический момент мой мушкет дал осечку, и я вынужден был дать приказ о стрельбе, так как они уже начали пускать в нас стрелы и метать дротики и камни.

У нас лишь один человек был ранен в щеку дротиком, наконечник которого толщиной в палец вонзился в тело на два дюйма, что показывает, с какой силой был пущен этот дротик (хотя, правда, мы были на очень близком расстоянии). Одна стрела попала в обнаженную грудь м-ра Гилберта, который находился на катере на расстоянии около 30 ярдов от берега, но лишь слегка оцарапала кожу (так как, вероятно, задела за что-то по дороге). Наконечники стрел были из твердого дерева...

Высокий мыс или полуостров, разделяющий две бухты, я назвал мысом Трейтр (Предателей) из-за вероломного поведения здешних обитателей, а сам остров они называют Эрраманго³.

³ «Второе кругосветное плавание капитана Джеймса Кука», М., 1964, стр. 408.

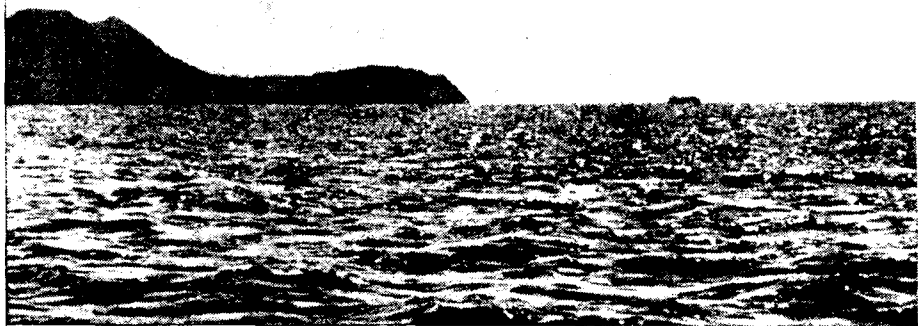

Рис. 9. Вот этот мыс, о котором писал капитан Кук (фото автора)

Дротики *сау* и сегодня можно увидеть в руках жителей Хэппи-Лэнд. Правда, лишь в тех случаях, когда они отправляются на охоту. Молодой меланезец Джэрри, помощник учителя в местной начальной школе, вызвался продемонстрировать нам свое искусство метания охотничьего дротика (практически это просто заостренная палка), но заметил, что о луке и стрелах нам лучше всего расспросить Сэи Нэтвунэи, вождя деревни.

Вождь Сэи действительно славится во всей округе как мастер по изготовлению луков. В его хижине мы увидели несколько десятков заготовок для древков и целые связки волокон луба баньяна, идущего на тетиву. Древко лука *нэванэ*, полукруглое в поперечном сечении, обычно достигает 1,5—1,8 м в длину. Стрелы *лангаль* делаются из тростника, наконечники *тэьоро* — из твердой древесины. В колчане охотника можно найти также и стрелы с *тэьоро айрон*, изготовленными из обыкновенного железного гвоздя (это, кстати, пример сравнительно немногочисленных заимствований европейских слов в современном языке эроманга).

— Далеко ли бьет такая стрела? — спрашивает Михаил Александрович. Выясняется, что дикого кабана можно подстрелить на расстоянии 50—60 ярдов (около 50 м), а предельная дальность полета стрелы раза в два больше. Эти данные плохо согласуются со свидетельством капитана Кука, хотя Сэи уверяет нас, что в старину применяли на войне точно такие же луки.

— А какие наконечники стрел использовались тогда?

Джэрри, участвующий в разговоре в качестве переводчика, вдруг вскакивает с места и убегает куда-то. Минут через десять он появляется вновь, в руках у него дюжины полторы потемневших от времени стрел.

Так вот они какие, эти боевые стрелы воинственных эромангцев! Мы как зачарованные смотрим на заостренные зубцы наконечников, а Сэи уже перечисляет названия каждого из типов.

Боевые наконечники стрел (их общее наименование — *нангахану*) делались на Эроманга из древовидного папоротника; они вставлялись в стрелу и закреплялись в ней с помощью обвязки *нэйди* из волокон кокосового ореха; аналогичная обвязка на противоположном конце стрелы называется *тайномбун*; оперение отсутствует.

— Чем больше на наконечнике зубцов *нэилин*, чем тверже его острие *номбунногум*, тем выше ценится боевая стрела, — объясняет нам Сэи Нэвунэи.

Особенно впечатляет наконечник типа *нэвэлынгаляу* с его зловеще отогнутыми назад зазубренными бородками: холодок пробегает по спине, когда представляешь себе, что должен испытывать человек, пытающийся вытащить такую стрелу из раны...

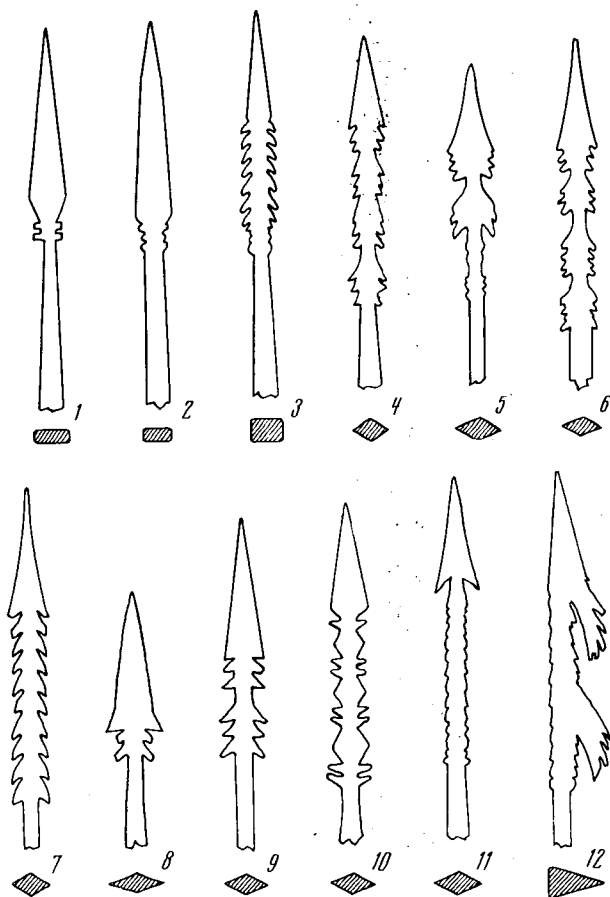

Рис. 10. Боевые наконечники стрел; внизу — наконечники стрел в разрезе: 1 — нэлюмпун носом, 2 — фаэль, 3 — торвуки, 4 — ноуван нос, 5 — нивуо, 6 — наланомболь, 7 — фанги торвуки, 8 — потидитидит, 9 — уаймбина, 10 — налиниром, 11 — нальвон нуп, 12 — нэвэлынгаляу

Через несколько дней Джэрри сказал, что поведет нас в соседнюю деревню Рампунрунгу, где живут его родители. Он попросит отца спеть нам старинные боевые песни, которые здесь уже почти никто не помнит. Может быть, удастся организовать и танцы, исполнявшиеся когда-то перед сражением. «Армай вз, авун!» — кричит в ответ Михаил Александрович, желая выразить Джэрри свое намерение отправляться немедленно.

И вот уже отец Джэрри начинает вполголоса выводить однообразную, непривычную для европейского уха мелодию, в которой преобладают какие-то унылые, тревожные ноты; он поет о знаменитом Нанла, славном воине и прекрасном стрелке из лука.

Затем на площадку перед домом выходит брат Джэрри и один из соседей. У обоих поверх шортос надеты *номблат* — юбочки из лубяного волокна, раскрашенные разноцветными полосами. В повседневной жизни

такие юбочки, конечно, никто не носит, они хранятся дома на случай праздничных танцев. Капитан Кук писал, что в его время «своего рода юбки из пальмовых листьев или другого похожего растения» носили только женщины, а одеждой мужчинам служили пояса и фаллокрипты⁴. Почему же теперь *номблат* надевают мужчины? Еще один вопрос, ответ на который нам получить не удастся.

Рис. 11. Великий Натмахранман защитит наших воинов в бою
(фото М. А. Ростарчука)

Между тем танцоры берут по длинному бамбуковому шесту для исполнения боевого танца *нэхувон*. В песне, сопровождающей этот танец, поется о духе земли Натмахранмапе, который может защитить воинов в бою и сделать так, чтобы тела их были неуязвимыми: стрелы врагов будут лететь мимо...

Депопуляция как она есть

Прошла уже почти неделя нашего пребывания в Хэппи-Лэнд, а нам до сих пор удалось познакомиться лишь с вождем Сэи, пастором, учителем, его помощником Джэрри да с хромым братом авуна Чарли — вот и все взрослое мужское население деревни. А где же остальные мужчины?

Многие из них, объяснили нам, ушли на заработки, отправились попытать счастья на Танну, Эфатэ или другие острова Новых Гебрид. Там можно получить какую-нибудь работу, а значит, и деньги. На Эроманга это сейчас практически невозможно. Французская компания предпочитает не брать на работу местных. Раньше сюда наезжали скупщики копры (сушеной мякоти кокосового ореха). Но вот уже много лет, как продавать копру больше никому, и местные жители лишились этого источника дохода. Поэтому постоянное население острова тает с каждым годом.

Катастрофическое обезлюдение Новых Гебрид (такой процесс обычно называют депопуляцией) началось еще в XIX в.; Эроманга суждено было стать, пожалуй, самым типичным в этом отношении островом архипелага.

Лет 50 спустя после открытия Эроманга капитаном Куком ирландский моряк Питер Диллон обнаружил на острове сандаловое дерево. Началась оживленная торговля этим ценным товаром, пользовавшимся большим спросом в странах Юго-Восточной Азии. Но запасы сандала на острове истощились, и тогда туда нагрянули иные торговцы. Они зани-

⁴ «Второе кругосветное плавание Джеймса Кука», стр. 410.

мались «охотой на черных птиц» — насильственной вербовкой местных жителей для работы на плантациях Австралии и Фиджи. Только с 1868 по 1878 г. с Эроманга было увезено более 600 человек! Трагическую роль в судьбах населения Эроманга сыграли завезенные на остров болезни, вызывавшие массовые эпидемии.

Только после второй мировой войны на ряде островов Новых Гебрид начинает наблюдаться некоторый прирост численности населения. Это, однако, не относится к Эроманга. Коренное население здесь продолжает катастрофически уменьшаться. Результаты этого отчетливо видны в Хэппи-Лэнд и во всех других деревнях, которые нам удалось посетить, — Бунумба, Рампунрунгу, Порт-Льюси.

Именно депопуляция нанесла решающий удар по традиционной социальной организации на Эроманга. Прежняя структура этого небольшого меланезийского общества оказалась неспособной к дальнейшему функционированию. Сегодня лишь с огромным трудом удается обнаружить отдельные следы этих традиционных форм организации.

Так, старики еще помнят, что когда-то деревни на Эроманга делились на части, называвшиеся *нимоовро*: в каждой из них было по несколько семейных хижин *силъву* и мужской дом *симапю*. В Хэппи-Лэнд было два таких подразделения — Вэльёорвонг и Умпонуй. Юноша не имел права брать себе жену из того же *нимоовро*, что и он сам.

Хижины, называемые *симапю*, сохранились в Хэппи-Лэнд до сих пор. Но об их прежнем назначении почти никто уже не помнит. Раньше здесь жили неженатые юноши и представительницам слабого пола категорически запрещалось не только приближаться к *симапю*, но даже смотреть в его сторону. Теперь *симапю* — это нечто вроде дома для приезжающих. Постоянно в нем никто не живет, днем здесь играют ребятишки, а по ночам юноши назначают свидания своим избранницам (не идти же в крошечной тьме на огород!) Авун Луи жил в *симапю* недалеко от нашего дома, коротать время до рассвета ему помогала юная Эни.

Приглушенные голоса, доносившиеся по ночам из глубины *симапю*, наводили меня на грустные размышления. «Как много, — думал я, — должно было измениться в жизни меланезийцев, прежде чем *симапю* превратился из мужского дома в пристанище для влюбленных!»

С катастрофическими последствиями депопуляции, отсутствием условий для нормального функционирования экзогамных форм социальной организации, несомненно, связаны и изменения в системе традиционных терминов родства на Эроманга. Читатель помнит, что, по словам старого Вилли, термин *авун* или *авунхай* сейчас означает не только брата, но и всех кузенов. Данные Вилли были тщательно проверены мною, и теперь мне ясно, что за несколько десятилетий, прошедших после посещения острова Хэмфрисом, система родства на Эроманга претерпела существенные изменения. Термин *авун* в его новом значении — одно из свидетельств того, что на острове складывается сейчас система родства, характерная для многих обществ с кризисной демографической ситуацией — терминология так называемого малайского или гавайского типа.

Бунтарь-одиночка

И в этом мире на каждом шагу западня.
Я по собственной воле не прожил и дня.
Без меня в небесах принимают решения,
А потом бунтарем называют меня!

(Омар ибн-Ибрагим, 268)

...Ночью немного потеплело и выпал снег. Он плотно укутал Зюзинский лес, черневший вчера голыми стволами осин, и Лысую гору, теперь ослепительно белую, еще не исчерченную штрихами свежей лыжни. Рез-

кий, порывистый ветер, дувший несколько дней подряд, стих. Танцующие в воздухе снежинки вспыхивают на солнце бриллиантовыми искрами.

Я сижу у окна и пишу отчет об исследованиях на Эроманга. На разложенных передо мной фотографиях — хижины, едва заметные в глубине пальмовых рощ, и веер брызг на прибрежных коралловых рифах. Тут же — для памяти — листочек с перечислением основных вопросов: хозяйство, материальная культура, семейно-брачные отношения... Но то, о чем я думаю сейчас, наверняка не войдет в текст научного отчета.

Так уж, наверное, устроен человек, что вполне очевидные истины он постоянно открывает для себя снова и снова. Хэмфрис счел необходимым отметить в своей книге о Новых Гебридах: «Длительное пребывание среди жителей южной части архипелага убедило автора в том, что туземцы гораздо больше похожи на нас, чем обычно думают»⁵. Неужели и в наше время этот тезис еще нуждается в доказательствах?

Стороннего наблюдателя невольно поражают отличия поведенческого стереотипа меланезийца от привычного нам, любое отклонение от которого воспринимается как нечто экзотическое и странное. В гневе мы кричим, стучим кулаками по столу, хлопаем дверью; рассерженный меланезиец, напротив, молчит (миссионер Х. Робертсон, проживший на Эроманга около 30 лет, совершенно правильно подметил эту черту: «Если только он что-то говорит, не бойтесь его; но если он опустил голову и не произносит ни слова, будьте начеку — теперь он опасен»⁶). Молчание Чарли по пути в Хэппи-Лэнд было, оказывается, страшнее занесенного над головой топора старого Вилли.

Меланезиец никогда не выражает словами чувство благодарности или признательности: поблагодарить за подарок — значит обидеть хорошего человека, сказать ему: «Я понимаю, на какую жертву ты идешь, отдавая мне последнее». Чарли принял от нас подарки молча, а мы не сразу поняли, что это значит. Но на следующий день он сделал нам ответный подарок. Он спел песню, сложенную им самим, о двух Майклах, приехавших издалека, с острова добрых людей.

Накануне отплытия с Эроманга, уже придя в поселок Ипота, где нас должен был забрать «Дмитрий Менделеев», мы узнали новые подробности биографии Чарли. Авун Чарли был не только потомственным колдуном. Некоторое время он работал в Ипоте механиком на складе пиломатериалов. Возмущенный тем, что француз-конторщик беззастенчиво обсчитывает рабочих, Чарли попытался организовать забастовку. Но в последний момент оказалось, что рабочий класс Эроманга еще не созрел для классовых битв. Стачка сорвалась, а ее зачинщик был уволен с работы. Немало ударов судьбы пришлось перенести после этого могущественному магу — повелителю молний. Не потому ли он так остро и глубоко почувствовал доброе отношение к себе и ответил нам на него искренними проявлениями бескорыстной дружбы? А ведь он в сущности знал о нас лишь то, что Майклы приехали с далекого острова, где не растет ни таро, ни капустное дерево. Когда, тихонько поглаживая меня по руке, он снова и снова повторял свое прощальное «гикбау», я заметил, что в глазах его стоят слезы.

Отсалиутовав сигнальной сиреной, «Дмитрий Менделеев» разворачивался и ложился на курс. Справа по борту таял в сумерках остров авуна Чарли — этот таинственный остров Эроманга...

⁵ C. Humphreys, *The Southern New Hebrides*, Cambridge, 1926, p. 146.

⁶ H. Robertson. *Erromanga, the Martyr Island*, London, 1902, p. 382.